

Красные стены, зеленые черепичные крыши, роскошные наряды и золотые короны — всё то, что кажется прекрасным, на деле способно намертво заточить женщину в клетку.

— Ты — императрица государства Янь.

— Но я также и его мать.

— Вся моя жизнь была лишь пешкой в ваших руках. Ни мои поступки, ни мой брак не зависели от меня. Я не смогла защитить даже собственных детей. Теперь же я хочу лишь одного — хоть раз побыть настоящей Бай Шуюй.

— А не императрицей Янь и не старшей дочерью генерала.

Бай Шуюй сняла венец, который давил ей на голову последние десять лет, и, не колеблясь, отшвырнула его прочь. Опустившись на колени, она взмолилась:

— Прошу вас, отдайте мне лекарство.

На кровати позади неё лежал ребенок в беспмятстве, а рядом стоял полупрозрачный силуэт, чертами лица до боли напоминавший того, кто лежал на постели.

Человек, к которому взывала Бай Шуюй, был её отцом. Генералом, охраняющим северные рубежи, — Бай Цэ.

Бай Цэ поднял венец и с горечью, смешанной с досадой, произнес:

— Этот ребенок с рождения слаб, еще вопрос, доживет ли он до совершеннолетия. К чему тебе жертвовать собой ради него? Прими противоядие, поправь здоровье, и через пару лет ты без труда родишь нового, здорового принца.

Венец снова полетел на пол, и жемчужина, украшавшая его, отскочила и покатилась, остановившись у ног призрачного силуэта. Тот наклонился, пытаясь её поднять, но пальцы прошли сквозь камень.

Бай Шуюй, с покрасневшими от слез глазами, бросила вызов:

— Ты ведь знаешь, почему он родился таким слабым, верно?

— До замужества мать учила меня быть скромной и покорной. После свадьбы отец наставлял, что императрица должна быть великодушной и следить за каждым своим шагом, чтобы не совершить ошибки и не навлечь беду на род.

— Я делала всё, как вы говорили, но почему я всё равно оказалась неправа? — взревела Бай Шуюй. — Отец, скажи мне, почему я всё равно виновата!

Силуэт смотрел на обезумевшую от горя Бай Шуюй и долго не мог прийти в себя. Он всегда думал, что Бай Шуюй похожа на хлопок.

Белоснежный, теплый, мягкий, невесомый.

Но в садах императорского дворца хлопок не растёт.

Возможно, ей здесь изначально не было места.

Бай Цэ не нашел, что ответить дочери. Он лишь сказал:

— Раз уж ты прожила полжизни в покорности, то и в этот раз стерпишь.

Бай Шуюй бессильно опустила на пол и тихо рассмеялась, небрежно заправляя прядь волос за ухо:

— И то верно. В этот раз тоже стерплю.

В её смехе сквозила горечь. Бай Шуюй подумала, что сейчас, пожалуй, самый жалкий момент в её жизни. Но при этом она чувствовала легкость, какой не испытывала никогда прежде.

— Отец, ты слышишь?

— Ветер пришел.

Бай Цэ сжал в руке лекарство, и стук его сердца стал оглушительным:

— Не упрямься, у тебя впереди еще долгий путь.

— А есть ли смысл в пути, конец которого виден с первого же шага?

Едва договорив, Бай Шуюй вытерла слезы и поднялась, направляясь к Бай Цэ.

— Императрица!

— Я не императрица. Я — Бай Шуюй.

Медные ножницы, предназначенные для подрезки цветов, вонзились в бьющееся сердце Бай Шуюй.

— Вы забрали мою Янь Цзюнь, а теперь хотите забрать моего Янь Цзина? Мечтайте.

Силуэт попытался прикрыть ладонями непрерывно сочащуюся алую кровь, шепча: Матушка.

Там, где было лишь одно лекарство, Бай Шуюй разрешила тупик ценой собственной жизни. Её остывающие руки бережно гладили лицо ребенка.

— Не бойся, мой принц, всё прошло.

Улыбка Бай Шуюй оставалась такой же нежной, как и всегда. Ребенок позвал:

— Матушка, мне так больно.

— Прости меня... — Бай Шуюй с трудом обняла мальчика, прижимаясь щекой к его щеке. — Это матушка никчемна, не смогла удержать твою сестру и не смогла защитить тебя.

Её шею обожгло горячими слезами. Ребенок утешил её:

— Матушка, не плачь, мне уже не больно.

В его памяти прошло уже два года с тех пор, как матушка плакала в последний раз.

В тот день сестра отправлялась с посольством в государство Нин.

Матушка надела на сестру сверкающую золотую корону. Я подглядывал из-за колонны: сестра была прекрасна, но она не радовалась. Она плакала.

Я слышал, как сестра спросила матушку:

Матушка, неужели мы, дочери, лишь разменная монета в вашей борьбе за власть?

Матушка не ответила, но слезы в её глазах уже дали ответ.

— Матушка — самая лучшая в мире, я больше всего на свете люблю матушку. — Ребенок маленькими ручками стирал слезы с лица матери, но они всё не кончались.

— Мой принц. Мой глупый принц, — Бай Шуюй взяла его за руку. — Крепко держись за свой титул наследника, не дай никому его отобрать. От этого зависит не только твоя жизнь, но и то, будет ли твоя сестра в безопасности в государстве Нин. Всё зависит от того места, на котором ты сидишь.

— Если ты совсем не хочешь занимать этот трон, отдай его кому угодно, но только не Янь Бяню.

— Я знаю, матушка, не волнуйся. Я обязательно удержу власть и защищу сестру.

Бай Шуюй погладила ребенка по голове и уложила обратно в постель. Сама же она осела рядом, и темная кровь потекла из уголков её рта. Голос её звучал скорбно:

— Я хочу домой, но у меня... нет дома...

— Матушка!

Ребенок попытался подняться, но Бай Шуюй похлопала его по тыльной стороне ладони:

— Не бойся, мой принц. Матушка просто устала. Позволь мне поспать немного, хорошо?

— Хорошо.

С той минуты глаза Бай Шуюй больше не открылись.

— Матушка, я принес тебе твои любимые цветы. Проснись, я украшу ими твои волосы.

Евнух Сюй уговаривал его:

— Ваше Высочество, императрица уже почила, позвольте же ей обрести покой в земле.

Мальчик заслонил собой кровать и закричал:

— Никто не смеет трогать мою матушку!

— Она сказала, что просто устала и хочет спать. Когда она выспится, она проснется! Она обязательно проснется! Вам запрещено её трогать!

Вошел Янь Хуа в сопровождении стражи и слуг. По его приказу охранники скрутили ребенка, а служанки вынесли тело Бай Шуюй из покоев.

— Нет, матушка!

Янь Хуа произнес:

— Янь Цзин, ты наследный принц, будущий правитель, нельзя поддаваться чувствам. Твоя мать мертва.

Янь Цзин вырывался и кричал:

— Матушка не умерла, она жива, вы все лжецы! Она жива!

Казалось бы, она была его женой, и муж должен скорбеть по супруге, но Янь Цзин не видел в глазах Янь Хуа ни капли печали. Напротив, в них сквозило лишь раздражение, он даже не желал лишний раз взглянуть на покойницу.

На самом деле Янь Цзин всё понимал.

Его так называемый отец не любил ни матушку, ни его самого.

Янь Хуа был влюблен в наложницу Янь Бяня и любил самого Янь Бяня.

Поэтому смерть матушки не опечалила его.

Янь Цзин проводил взглядом уходящего Янь Хуа. Он забрал Бай Шуюй, единственную опору и надежду Янь Цзина в этом глубоком дворце.

В пустом зале он остался совсем один.

Перед гробом все плакали, но Янь Цзин не имел права проронить ни слезинки.

Таков был приказ Янь Хуа.

Он говорил: правитель должен быть безжалостным.

Янь Цзин стоял на коленях ближе всех к гробу. Слушая плач окружающих, он чувствовал лишь фальшь.

Когда матушка была жива, они презирали её за слабость и обвиняли в лицемерии. Янь Цзин не мог понять, с какой стати эти люди сейчас так убиваются по ней.

В зале были сотни людей, но тех, кто искренне скорбел по Бай Шуюй, едва ли набралось бы десяток.

Картина сменилась. Глаза Янь Цзина были завязаны черной повязкой, руки и ноги связаны веревками.

Сквозь треск горящего хвороста до его слуха доносились обрывки разговоров: притвориться, что взяли человека в заложники, выманить выкуп, а при освобождении избавиться от свидетеля, чтобы потребовать награду у заказчика.

Он не успел дослушать: действие препарата усилилось, и Янь Цзин снова провалился в забытие.

Когда он очнулся, вокруг стояла тишина, лишь изредка слышалось пение птиц. Он не решался пошевелиться, и только спустя долгое время, убедившись, что похитителей нет, начал извиваться. С трудом ему удалось сбросить повязку. Внезапный свет резанул по глазам.

Янь Цзин немного привык и открыл глаза: вокруг буйно разрослись сорняки, то и дело пролетали мухи.

Можно было даже не смотреть, чтобы понять: живого места на нем не осталось. Его терзал невыносимый зуд, а руки и ноги были скованы, и облегчить мучения было невозможно.

Пытаясь развязать веревки, Янь Цзин встал на колени в странной позе, наклонился и вытянул руки к лодыжкам, нащупывая узел.

Через час он наконец справился.

Немного передохнув, он с трудом поднялся на ноги.

Мучительная жажда и остаточное действие яда делали его походку нетвердой, но Янь Цзин не обращал на это внимания. Ему нужно было уйти, найти людей, которые помогут развязать руки — в одиночку он бы не справился.

Три дня. Три дня Янь Цзин шел, постоянно останавливаясь. Наконец он почти выбрался из этого лесного лабиринта.

По пути, когда голод становился невыносимым, он жевал траву, до которой мог дотянуться. Однажды ему повезло найти дикие ягоды: вкус был странный, но в них было много влаги.

Едва выйдя из леса, Янь Цзин услышал топот копыт и инстинктивно нырнул в заросли.

Юный генерал, чьи глаза и уши были острее, чем у любого зверя, заметил малейшее шевеление.

Стрела пронзила листву и вонзилась Янь Цзину в плечо — у него не было даже шанса увернуться.

Янь Цзин свернулся в клубок от боли. Его одежда превратилась в лохмотья, лицо было вымазано в пыли и поте, он походил на грязную куклу, а открытая кожа на шее была усыпана красными пятнами.

Он ничем не отличался от уличного попрошайки.

Юный генерал отбросил мечом ветки. Взгляды встретились. Он спросил:

— Из какого ты государства?

Янь Цзин покачал головой, не в силах ответить, и лишь сильнее вжался в траву.

— Немой?

В этот момент его укусило насекомое, и Янь Цзин затряс головой, пытаясь отогнать его.

Как назло, этот жест показался юному генералу ответом.

Генерал приблизился, и Янь Цзин, как взъерошенный еж, вытаращил глаза, готовясь к защите.

— Хочешь и дальше оставаться связанным? — генерал развязал его и мимоходом выдернул стрелу. Янь Цзин судорожно вдохнул, и его лоб покрылся градом пота.

В голове пульсировало лишь одно слово: больно.

— Пойдем со мной.

Обессиленного Янь Цзина силой забросили на спину коня.

— Очнись, Янь Цзин.

— Очнись.

— Брат-генерал, мне так больно.